

Я, Ханинкес Эстер-Гитля Мордуховна (1914-1997), родилась в местечке Копыль 26 декабря 1914 года.

Отца своего я помню смутно. Он был красивый мужчина с рыжей бородкой. У него были очень добрые глаза. Ходил он с тросточкой. Это все, что я помню об отце. Остальное я узнала от мамы. Папа был светским человеком и, хотя регулярно посещал синагогу, фанатиком он не был. Из-за того, что он курил по субботам, т.е. не соблюдал субботу, отец лишил его наследства. Ему приходилось зарабатывать своим трудом. Он портняжничал, но этим не мог прокормить семью. Поэтому он часто ездил в Америку на заработки. В последний раз он возвратился из Америки в 1919 году, заболел воспалением легких и умер. В то время путь до Америки на пароходе занимал около трех недель.

Мать осталась одна с четырьмя дочерьми без специальности. Большинство женщин в то время не работали. Досталась моей дорогой мамочке горькая доля бедной вдовы. Ее трудолюбие помогло ей жить и воспитывать детей. Была она хорошей хозяйкой. Ходила на любые заработки: кому то делала домашнюю лапшу или вермишель, выбирала огурцы, скубила гусей, шинковала капусту и т.д. Несмотря на это дети были чисто одеты, сыты и в доме был полный порядок. Она и нас приучала к труду. Удивительно сколько у мамы было сил, бодрости и энергии. Я не помню, чтобы она сидела без дела: то она работала на огороде, то стирала, то вязала или штопала, а то мыла полы. Она все успевала сделать для своей семьи и выбирала время сходить за грибами.

Вскоре после смерти отца серьезно заболела старшая сестра. Я помню, что у нее была длинная черная коса и голубые глаза. Я помню, как к нам прибегали врачи и приносили лекарства, но спасти ее не удалось. Она умерла в 19 лет. Вот какие два удара за один год получила моя бедная мама.

Помню один эпизод войны с белополяками. Мы с мамой на поле выбирали огурцы для хозяйки. Вдруг появился отряд всадников с шашками.

Все евреи спрятались, а кто не успел – они шашками отрубали бороды. К нам подошел один белополяк и сказал: - «Рейзя, не бойся, мы тебя не тронем. Что с тебя возьмешь?» После этого хозяйка, у которой мы работали, дала мне хлеб с маслом и огурцом. Это было так вкусно.

Подошло время определить меня в школу и тогда у нас в семье был большой спор. Старшая сестра Фаня хотела, чтобы я училась в хедере (религиозная школа), а Беба хотела, чтобы я занималась в еврейской советской школе. Беба тогда уже была активной комсомолкой. Пошла я, конечно, в еврейскую школу. В тайне от Фани стала пионеркой. С галстуком являться домой я боялась и поэтому снимала его по дороге домой. Фаня не разрешала мне ходить в школу по субботам и забрасывала портфель на чердак. Но тут Биба приходила мне на помощь, и я в школу все равно ходила.

В 1924 году я ходила в первый класс. Как мы все плакали, когда узнали о смерти Ленина.

Может сложиться мнение, что моя старшая сестра Фаня была плохим человеком. Наоборот, она была очень добрая, преданная, чуткая, но очень религиозная. На ее воспитание большое влияние оказала семья Равина. Его дочь была лучшей подругой сестры.

В 1922 году муж Фани уехал в Америку, а она осталась с грудным ребенком. Конечно, она очень переживала. Муж обещал прислать ей вызов, когда получит американское гражданство, которое в то время давалось только через 7 лет. «Он не заберет тебя – смеялись над ней женщины – Он найдет там других женщин». Муж стал присылать ей посылки. Она с ребенком были хорошо со вкусом одеты и тогда все стали смотреть на них с завистью. В 1929 году муж выслал вызов, и Фаня с ребенком уехали в Америку. Их проводила Беба, которая тогда жила в Минске.

Мы с мамой остались одни. Вся забота о доме легла на мои плечи. Пол у нас был глиняный. Я часто клала на пол полынь, чтобы не было блох – и их

не было. Электричества еще не было. Я читала при свете керосиновой лампы, а иногда жгла лучинки. Читала я в основном еврейские книги, реже русские, но русские читала медленно - было тяжело. Дети того времени не были так развиты как современные. Не было никакой информации, кроме как через один громкоговоритель на центральной площади Копыля.

Через некоторое время мы решили переехать в Минск к Бебе. Ехали мы как на перекладных с балыгам (фурман), часто останавливались в карчмах (заезжий дом). С каким удивлением я смотрела в Минске на пятиэтажные дома. Мне они тогда казались небоскребами. Остановились мы в заезжем доме по улице Немига и оттуда пешком пошли к Бебе. Она жила во дворе 2-го дома Советов по Ленинской улице. Самый высокий дом был на углу Ленина и площади свободы. Там была гостиница Полякова.

Некоторые правила этики я знала, наверно, из литературы. Некрасиво показывать пальцем на дома. Не надо задирать голову вверх, а смотреть издали.

У Бебы была однокомнатная квартира. Ее муж Зяма учился в Москве в комвузе. Беба жила с сыном Максом. Она была очень занята и уделяла мне мало внимания. Она уже была членом партии, работала наладчицей на телефонной станции, а вечером занималась на рабфаке. Ей было нелегко. В этом же 1929 году я поступила в 5-ый класс 17 школы. Занималась я хорошо. Была активной пионеркой. Пионерские обещания я выполняла с честью. Гулять нам разрешалось только до 9 часов вечера. Семечек лузгать запрещалось. Носить украшения не разрешалось – считалось мещанством. Ездили мы в пионерские лагеря. Каждый лагерь имел свой приусадебный участок. Мы их обрабатывали и это был единственный источник питания. С каким наслаждением мы сидели у костра, пекли картошку и пели песню «картошка, картошка, картошка ...». Мне очень нравились военные игры. В седьмом классе, как отличницу, меня выбрали председателем школькама. Я должна была присутствовать на педсоветах.

В это время к нам прибыл молодой учитель и все девушки обращали на него внимание и старались одеваться лучше, когда был его урок. Нам тогда было по 15-16 лет. Поскольку я присутствовала на педсоветах, я чаще других девочек встречалась с этим учителем. Он жил на улице Максима Горького, а его брат Зяма – на улице Карла Маркса. Почему-то после педсоветов он шел к брату, а не домой. Мы шли вместе. Я потом догадалась, что он идет в мою сторону, чтобы проводить меня. Этот молодой человек был Илья Миронович Левин.

Я участвовала во всех мероприятиях школы. Однажды к нам пришел артист еврейского театра Шик Абрам Натанович (я его сейчас встречаю), чтоб организовать драматический кружок. Я, конечно, из первых решила сдавать экзамены. Мне надо было показать, т.е. сыграть роль пострадавшей от взрыва примуса. Экзамен я выдержала. Мы выступали в клубе кожевников. Там я познакомилась с одним парнем – Абрашей Шапиро. Его родители были артистами. Он был единственным сыном. Был очень красивым и стройным. Его родители думали, что я буду их невесткой. Поочередно я встречалась то с Абрашей, то с Ильей. С Ильей я встречалась, как с учителем. Очень стеснялась его. Абраша тратил много денег на угощения и подарки. Вот это и не понравилось маме и Бебе. Они говорили: сейчас он тратит на тебя, а потом и на других. Они не разрешали встречаться с ним, а Ильей – хоть целую ночь. Вот какое доверие он заслужил! В 1930 году по комсомольской путевке Абраша уехал строить Комсомольск на Амуре. Прощание было трогательным. Я, конечно, обещала его ждать.

Я тогда уже была комсомолкой. Носили мы военную форму: юбку, гимнастерку и ремень с португеей через плечо. С какой гордостью я носила Кимовский значок!

Очень малое время я была пионервожатой. Седьмой класс, как отличница окончила без экзаменов, и меня срочно направили на учебу в еврейский

педагогический техникум на ускоренный курс. Страна нуждалась в педагогических кадрах. С Ильей мы продолжали встречаться, но реже. Оба были очень заняты, особенно он. После окончания техникума всем дали направление на район. Я пошла в Гороно (городской отдел образования) за направлением. Тогда заведующей отделом Гороно была Меерович. Для меня было удивительно и неожиданно, что в направлении было указано - Минск, 30-ая средняя школа, 4-ый класс, где работал Илья. «О Вас позаботился один молодой человек» – сказала заведующая. Я сразу не догадалась, кто этот молодой человек. Об этом я узнала намного позже. Это был Илья. Мы скрывали от коллектива наши отношения. Мы клали друг другу в карманы пальто записки с назначением свидания.

До 5-го класса все предметы вела одна учительница. Даже пение и физкультуру, а также политехнизацию. Я очень любила свою работу и работала от всей души. Старалась чем-то украсить свою работу, заинтересовать детей наглядными пособиями и культмассовой работой. По натуре я была веселая и общительная, поэтому мне это легко давалось. Это, может быть, не скромно с моей стороны, ведь я пишу о своей жизни. Со временем стираются из памяти имена, события, но то, что запомнилось навсегда, я постараюсь описать.

Я научилась играть на пианино несколько маршей, чтобы аккомпанировать детям на уроках физкультуры и спортивных выступлениях. На таких выступлениях иногда присутствовал и Илюша. При виде его я краснела и терялась, но только на момент. У нас часто бывали открытые уроки, где присутствовали завуч и учителя параллельных классов. После каждого урока было обсуждение и давали оценку учителю. Меня всегда хвалили за подход к детям и за методику преподавания. Дисциплина в моем классе была хорошая. Только для меня была незнаком предмет «политехнизация» (труд), который только что ввели. Дирекция школы прикрепил меня к учителю по политехнизации. Учителем был

Илюша. Помню один случай. Нам надо было встретиться, чтобы составить план на неделю по политехнизации. По предложению Илюши мы встретились в парке Челюскинцев. Погода была хорошая. Ходила я в летнем платье без рукава. Каждый раз, когда мне надо было поднимать руки для поправки волос, я стеснялась и краснела, хотя и без того у меня были красные щеки. План, конечно, не составили. Я его стеснялась вдвойне. Ведь он был моим учителем.

В 1933 году 6-го марта мы прикрепились друг к другу на всю жизнь. Свадьбы не было и не дарили друг другу колец. Это считалось мещанством. Жили даже без записи. Беба мне подарила книжный шкаф и ширму. С этим приданным я перешла жить к Илюше. В это время, когда по дороге к Илюше мы стояли с грузом на трамвайной остановке, нас встретил Абраша. Он шел ко мне. От такой встречи у меня оборвалось все внутри. Встреча была непродолжительной – все понятно было без слов. Через некоторое время я встретила его мать. Она упрекала меня в том, что из-за меня она потеряла единственного сына. Он уехал в Комсомольск и женился на нацменке (представительница национального меньшинства).

Завестись семьей мы сознательно не хотели, ибо Илья еще занимался на третьем курсе, да и я хотела получить высшее образование. Долгое время мне с Илюшей было неловко. Я его все еще называла хавер Левин. Только когда на свет появилась Мира, я осмелилась называть его по имени.

Я стала усердно заниматься русским языком. Запоем читала классиков. Илюша выключал пробки, чтобы я не читала ночью. Он мне во многом помогал. Грамматику я знала хорошо. Все правила правописания я знала на память и умела применять их в письме. С разговорной речью было намного хуже. Трудно было согласование слов, ошибалась с окончаниями. Желание освоить русский язык было огромным, и я продвинулась настолько, что поступила в БГУ (Белорусский государственный университет). Однокурсники были хорошими людьми и помогали чем могли.

Приближалась сессия. Один Бог знает как было мне тяжело. Особенно я боялась истории. Ведь тут должен быть хорошо подвешен язык. Остальные предметы, где надо меньше говорить, например, математику, физику, химию я сдала на 4. Первую сессию я сдала успешно. Илюша стоял в коридоре и болел за меня. От волнения я оставила на подоконнике свой берет. Илюша говорил, что это плохая примета.

В это время открылся новый двухгодичный педагогический институт на еврейском языке. С какой радостью я помчалась туда, не зная, что меня ждет впереди. В университете преподавал физику профессор Шапиро. Он уговаривал меня не уходить: - «У Вас все получится, Вы способная». Мы с Илюшей недавно встретили его на Комсомольском озере. Он меня сразу узнал, несмотря на прошедшие годы. Значит какой-то след я в его памяти оставила.

Институт находился по улице Володарского в доме, который находился между Русским (тогда еврейским) театром и роддомом. Заниматься мне было легко, и я смогла выполнять общественную работу не в ущерб занятиям. Меня выбрали комсоргом группы. Никто из моих однокурсников не верил, что я уже замужем. Я доказывала это своим поведением.

Студенческие годы лучшими в моей жизни. Мы оба были студентами. Чем могла я помогала ему: освободила от всех домашних забот, ходила в библиотеку Ленина захватить учебные пособия. Да, захватить. Учебников было мало, домой не давали. Да еще надо было захватить место в читальном зале. Это была большая помощь. Экономически мы жили менее чем скромно. Чугун горохового или фасолевого супа был на целый день. Но это было лучше, чем ходить в столовую и тратить дорогое время. Никогда у нас не было разговоров о недостатках. Зато духовной пищи у нас было вдоволь. Ходили в кино, в театр и на концерты. Каждый поход был праздником. Для этих целей у меня были определенные платья и обувь. Не богатые, но модные. Наихудший вариант был в том случае, если по дороге в театр

начинался дождь. Тогда туфли в руки и пешком до театра. Жалко было обувь – давалась не легко. Но мы никогда не унывали.

Жили мы вместе с отцом и братом Илюши Евсеем и его семьей – жена Анна, сын Давид. Отец был добрым культурным человеком, владел несколькими иностранными языками. К нему ходили писать прошения. Я его очень уважала и старалась ухаживать за ним как можно лучше. Поводов для спора с Анной было достаточно, но я старалась этого не замечать и не спорить. Эта черта характера у меня осталась на всю жизнь.

В 1937 году я закончила институт и получила аттестат с правом преподавания истории и географии в классах 5-7. На мое несчастье в это же время закрыли все еврейские школы. Какой был переполох, ведь мы всё учили на еврейском языке, а сейчас преподавай на русском. Это трудно представить. Кому не надо было преподавать, не чувствовал этого. Родители еврейских детей большей частью не переживали, ведь своих детей они собирались отдать в русские школы. Желающих отдать детей в еврейские школы становилось все меньше. Еврейский театр закрыли. Газеты и литературу на идиш не печатали. Ведь надо же, в июле 1937 года я окончила институт для преподавания на идиш, а в сентябре надо было приступить к работе на русском. Не было времени для подготовки.

Мне дали направление в 5-ую полную среднюю школу преподавателем истории и географии в 5-7 классах. Нагрузки полной не было, и я согласилась быть учительницей 1-4 классов. Мое состояние в то время трудно представить. Я в это время ожидала ребенка. Сшила я себе широкий капот, как сейчас носят будущие матери, и в таком виде мне надо было явиться первый раз в первый класс. Меня больше угнетал мой русский язык. Встретили меня очень хорошо. На мое счастье коллектив был здоровый, сознательный. Никакого антисемитизма я не чувствовала, и не знаю, существовал ли он. Завуч был чутким культурным человеком. Он мне во многом помогал: проверял мои планы работы, вносил некоторый

изменения. Больше никому из учителей этого не делал. Кроме того, предупреждал, когда у меня будет открытый урок, чтобы я лучше подготовилась. Одним словом, был человечным человеком. Как я боялась первого урока! Буквально коленки дрожали. Боялась первого родительского собрания. Но родители слушали меня внимательно, не обращая внимания на мои ошибки в разговорной речи. Подход к детям, методики преподавания и проведения родительских собраний – все это я знала, ведь до этого работала несколько лет в еврейской школе. Помню один эпизод. Я веду урок, а в коридоре ходит директор и прислушивается у дверей каждого класса. Классные двери были тогда стеклянные. После урока он меня вызывает и говорит: - «Зачем Вы так громко говорите? Ведь Ваши ученики слушают внимательно и дисциплина у Вас хорошая. Повышенный тон рассеивает их внимание». Это я запомнила на всю жизнь. Я была очень требовательна к себе и к ученикам. По успеваемости мой 1-ый класс был на первом месте.

Одета я была строго, но модно: темный английский костюм с белой блузкой, без никаких украшений. Это тоже способствовало дисциплине. Губы начала красить только в 40 лет. У детей формы не было. Я запретила приходить в школу в ярких или пестрых платьях. У нас было 6 первых классов. Я была самая молодая учительница.

С дня на день я ожидала ребенка. 7 ноября мы с Илюшей ходили на демонстрацию. Вечером у нас гостил лучший друг Илюши – Илья Гинзбург. В 24 часа я почувствовала, что мне надо идти в роддом. Ребята пошли провожать меня. Подошел трамвай. Я села и вдруг обнаружила, что мои джелътмены не успели войти в трамвай. Смешно, правда? А тогда мне не было смешно. Еле сама добралась в роддом на Володарского. Стыдно было, что некому было даже вещи отдать. Через пару часов появилась на свет Мира.

Когда я занималась в БГУ, студент медик мне угрожал, мол не хочешь со мной гулять, все равно попадешься мне. Так и получилось. Он у меня принял Миру. Он был гинекологом и как раз тогда дежурил. Мне было страшно стыдно, но в общем тогда было не до этого. Вот так бывает.

У меня была задушевная подруга Соня Янкелевич. Она тоже была учительницей. О ней мне писать и радостно, и тяжело. Радостно потому, что в эти минуты я как бы вновь переживаю пору дружеского общения с этой удивительной женщиной. А тяжело, потому что невозможно писать о ней в прошедшем времени. Уж больно близким мне был этот человек. После окончания института она работала учительницей в Орше. Там она познакомилась с одним русским парнем. Почти под угрозой она с ним расписалась. Через короткое время он уехал в командировку в Брест. Он звал ее к себе. Она отказывалась ехать. Он был военным. Соня находилась под давлением военных и, в конце концов, была вынуждена согласиться. Перед отъездом в Брест она ночевала у меня. Это была странная ночь. Мы ее проплакали, и она с разбитым сердцем уехала к нему.

Через некоторое время пришли ко мне из МВД с фотокарточкой Сони для опознания. Я хотела узнать причину, но мне не удалось. «Прибудет Вам повестка в суд, тогда узнаете, - был ответ - еще придем к Вам для составления протокола». Оказалось, что ее «муж» был крупным шпионом. Когда он догадался, что Соня кое-что подозревает, он ее застрелил. Его квартира служила штабквартирой для шпионской сети. Так нелепо ушла из жизни моя Сонечка. Мои переживания трудно описать. Илюша быстро забыл. Он не эмоциональный.

В 1937 году, после окончания комвуза, Зяму Гречаника, мужа Бебы, направили политруком, т.е. комиссаром, пожарной охраны в Новобелицу, что возле Гомеля. Беба с дочкой Сонечкой уехала с ним. Сонечке тогда было несколько лет. Она была очень красивой девочкой. Я гордилась ее красотой и носила ее фотографию с собой. Мы с Бебой вели частую

переписку, но все равно я была в Минске одинока. Когда Мира родилась, Гречаников в Минске уже не было. Мама несколько месяцев жила у меня. Она могла сразу уехать с Бебой, но она пожалела меня, так как я была с грудным ребенком. Условия у нас были плохие. Отдельного угла у мамы не было. С Аней, женой Илюшиного брата она не ладила. Через несколько месяцев Зяма приехал за ней. У Бебы была большая отдельная трехкомнатная квартира.

Хронология немного нарушена. В 1937 году парализовало Илюшиного папу. Я его очень уважала и ухаживала за ним добросовестно. И он меня любил. Любил приготовленную мной пищу. Я до того не была хорошей кулинаркой, но приспособилась к его вкусу. Он очень любил гречневую кашу с луком и, когда я ему подала вторую порцию по его просьбе, его уже среди нас не было. От перепугу я упала и после этого боялась, что у меня будет мертвый ребенок. По приметам Мире суждено долго жить.

Я взяла работницу из деревни. С каким удивлением Вера смотрела на электричество. Она говорила: - «Всунеш в дырочки ды гарыть!» Она была честная девушка. В ее обязанности входило только смотреть за Миррой, кормить ее вовремя и держать в чистоте. Два случая, связанные с детством Миры, я запомнила на всю жизнь. Каждое утро до работы мне надо было накормить Миру и оставить стакан грудного молока на следующее кормление. Как-то я очень спешила. Для того, чтобы не запачкать платье при сцеживании молока, я одела на комбинашку передник. Впопыхах я одела пальто и пошла в школу. Когда сняла пальто, завуч без слов взял меня за руку и подвел к зеркалу. Какой ужас! Я стояла без платья. Завуч поступил очень тактично. «Я займусь Вашим классом, пока Вы приведете себя в порядок» - сказал он.

В другой раз Илюша по ошибке выпил стакан грудного молока и Вере пришлось принести Миру ко мне в школу для кормежки. Грудного молока

у меня было много и было много желающих купить его. И несмотря на то, что оно дорого ценилось Илюша запретил мне его продавать.

Я была очень нагружена. Ежедневно надо было проверять 80 тетрадей и мне еще дали общественную нагрузку – по ликвидации безграмотности (ЛИКБЕЗ) у работников хлебозавода № 2. В группе были люди разного возраста от 15 до 60 лет. С каким трудом они занимались. Неловко держали ручку и с трудом выводили свои первые буквы, буквально обливаясь потом. За год они научились подписываться и читать. 5-ая школа, где я работала, находилась на углу улицы Ленина и К. Маркса, напротив молочного магазина. У меня в классе занимался Валерий Захаров. Его отец был тогда заместителем председателя Совнаркома (Совет Народного Хозяйства). Занимался мальчик плохо, часто болел. После занятий я ходила к слабым ученикам объяснять пройденный материал. Пришла я и к Захарову. Они жили во 2-ом доме Советов. Занимали они 5 или 6 комнат. Работники Совнаркома имели свои сапожные и портняжные мастерские, закрытые продовольственные магазины. Для простых людей была карточная система.

Во время посещения Захарова я имела неосторожность сказать, что не успела сбегать на базар за маслом для дочки. И тогда мать мальчика предложила мне 200 грамм масла. Она еще предложила пользоваться мастерскими, но я отказалась, а масло я взяла. Валерий не готовил уроки и продолжал получать двойки. Я была объективна. Никакого блата я не знала, наверное тогда его не было. Когда в следующий раз я пришла к Валерию для помощи, мать меня встретила недружелюбно, с упреком. Я мол Вам дала 200 грамм масла, а Вы продолжаете ставить ребенку двойки. Я от неожиданности и от обиды заплакала. В это время появился Захаров отец. Я его раньше не видела, так как на родительские собрания ходила только мать. Он без слов взял ее сильно за руку да так, что мне стало больно, и вывел из комнаты. Мы познакомились, он извинился за жену и сказал, что был неправильно информирован. Думал, что сын занимается на «4» и «5».

Он поблагодарил меня за честность и с тех пор взял шефство над сыном. Вскоре Валерий начал заниматься хорошо. Прошло 41 год, а вот запомнилось.

Несколько раз я была с Миррой в школе. Все восхищались ею. Она была красивой девочкой и была хорошо одета. Я ей сшила пелеринку пиксенную с капюшоном. У нее был большой голубой бант, что считалось роскошью, и большие голубые глаза. Мы старались, чтобы у нее было счастливое детство. Когда ей было 3 года, мы ей купили детскую легковую машинку. Когда она садилась в нее и ехала по площади около оперного театра, все внимание прохожих было обращено на Миру. Оперный театр был только что выстроен и сквера возле него еще не было. Себе мы отказывали во всем, а для нее было все лучшее. Ела она очень плохо. Мне было обидно, что она у меня не ела, а у Ани ела все. Я тогда догадалась, что Аня почти не солила еду.

Комсомольское озеро строили мы комсомольцы. Каждый должен был отработать определенное количество часов. Техники никакой не было. Работали с лопатой и носилками. Сажали деревья. Открытие озера было назначено на июль 1941 года. В июне началась война.

В 1939 году Илюшу призвали в армию для освобождения Западной Белоруссии. Он заехал в Новобелицу к Бебе проститься. Мама плакала и причитала: - «Не оставь Геню вдовой!» А Зяма дал ему в дорогу 400 рублей. В 1940 году началась финская война. Илюша уже был дома. 17 февраля 1941 года родилась Инночка. У нее были белые длинные волосы и голубые красивые глазки.

Я была на курсах ПВО (противовоздушной обороны) при клубе рабпроса. Каждый знал куда ему являться в случае тревоги. Долго не пришлось ждать. В июне началась война. Хоть ее и ждали, но пришла она неожиданно. Это был какой-то ужас, кошмар. Я явилась в школу, а Илюша в военкомат. Мне дали список 100 учеников и обещали дать автобус для эвакуации. Сказали,

что я могу взять с собою все, кроме мебели. Мне обещали сообщить по телефону оперного театра, когда за нами придет автобус. Началась бомбежка, все бежали в газоубежище оперного театра, а я в это время готовила чемоданы и гладила пеленки. На примусе тушилась курица. Когда все было готово я пошла в газоубежище. Дети с домработницей и чемоданами были давно там. Со мной была еще одна учительница с двенадцатилетней дочкой. Мы ждали звонка, но телефон молчал. Коллега моя не выдержала и побежала в школу без дочки. Я ждала автобуса с двумя малютками, а его все нет и Илюши нет. Когда тревога окончилась, я побежала в школу. Какой ужас! Школа горит, многие погибли, в том числе учительница, которая была со мной в газоубежище. Ее дочь осталась одна. Я поняла, что об автобусе и речи быть не может. Взяла детей из газоубежища и по дороге к дому мы увидели, что наш дом горит. Я остолбенела, не заплакала – это уже было привычно. Итак, мы остались без крова, без денег, без документов. Я не хотела эвакуироваться. Куда мне с двумя детьми без денег, без ничего? Да и Илюшу могли в любую минуту призвать в армию. Старший брат Илюши Евсей приказал нам эвакуироваться, и мы послушалась. Домработница не хотела меня оставить одну с двумя детьми, но я велела ей вернуться в деревню к своей маме. Что творилось – трудно описать. Я бросила свои туфли на высоких каблуках, надела какие-то тапочки, которые валялись в газоубежище, и мы вышли из города. Я надела большой вязанный платок. Туда положила Инночку, как это делают цыганки. Одной рукой держала Миру, а другой чемодан с пеленками. Вокруг было сплошное пожарище. Искры и головешки летали над головой. У меня начал гореть платок, а потом волосы. Никакой организации. Бежали кто куда: кто на московское шоссе, кто на раковское, кто на могилевское. Мы шли по московскому шоссе. В парке Челюскинцев мы нашли большой ящик с конфетами. Сначала мы боялись кушать и поэтому дали конфету на пробу собаке – все в порядке. До Колодищ шли

пешком. Дорогу бомбили, люди падали. Один знакомый Илюши пожалел меня и предложил поднести чемодан. Так я его и видела. Унес чемодан, подлец. Видно, думал поживиться. Я осталась без одной пеленки, а Инночке было всего 5 месяцев. Пришлось порвать свою комбинацию. Евсей несколько раз бегал в деревни за молоком, но не всегда успешно. Я разбавляла молоко водой, чтобы на дольше хватило. Одно было спасение, что у меня было достаточно грудного молока для Инны. До Борисова добирались военными машинами. Сначала выпрыгивали из машин и ложились в кювет при каждой бомбежке. Но вскоре уже не было сил. Илюша сказал: «Больше не будем выпрыгивать – что будет, то будет!»

В Борисове нам дали по кусочку хлеба и погрузили в товарные вагоны. Состав шел очень медленно. Всю дорогу бомбили. Никто не знал, куда нас везут. Мы проехали Крупки, Оршу, Смоленск, Вязьму, Калугу, Саранск, Рузаевку, Атяшево. На каждой остановке Илюша выскакивал, чтобы постирать пеленки. Один раз я вывесила их сушиться в окошко. Подошел один военный и говорит: - «Что вы вывесили, белый флаг? Или это сигнал?» С большим трудом с помощью пассажиров удалось убедить его, что сушили пеленки без какого-либо другого умысла.

Остановились мы в Атяшево. Это районный центр Мордовской автономной республики. На подводах мы поехали в село Дюрьки. С нами было несколько эвакуированных семей. Мы приблизились к месту назначения и вдруг я увидела, что навстречу нам движется лес. Естественно, что никто не поверил мне и, наверно, решили, что я тронулась. Когда подъехали ближе, мы увидели, что нам навстречу бегут люди с большими ветками в руках. Председатель сельсовета объяснил нам, что это свидетельство сердечного гостеприимства. С каждого двора было по одному человеку, а дворов в селе было 500. Понятно, что издали это шествие казалось движущимся лесом. Приняли нас хорошо. Определили жить к одной хозяйке, у которой было двое детей. Дом был дубовый, темный

и сырой. Кроватей у них не было. Спали или на полках у самого потолка, или на печи. Нам отвели печь. Там я впервые познакомилась с тараканами. Нам еще повезло с хозяйкой. Она была доброй женщиной и, главное, понимала русский язык. Личная гигиена и санитария у них отсутствовали (я думаю, что не только во время войны). Вилки не было. Одной ложкой ела вся семья. Местные жители жили очень бедно. Нам выдали мешок муки и мешок гороха. С какой завистью хозяйкины дети смотрели, как я пересевала муку на хлеб. Хозяйка и соседи с жадностью навалились на отруби. Мне жалко было смотреть на это, и я начала раздавать муку и горох, не думая, что меня ждет впереди. Я рассчитывала, что нам будут давать такой же паек ежемесячно. Но больше пайков нам не выдавали. Илюша работал в колхозе. В военкомате ему сказали, что, когда он понадобится ему вышлют повестку. Школы были на мордовском языке. Устроилась я в яслях из-за детей. Насчитывали нам трудодни, которые отоваривались в конце года. Кто работал непосредственно в поле, получал больше. Мы остались без продуктов, без денег (их и не было). Мордовки вспомнили мою доброту и делились со мной ихними скудными продуктами: лебедой, лущайками от картошки, а иногда давали картошку. Они научили меня печь хлеб из лебеды. Он был чернее земли. Этот «хлеб» трудно было вынимать из печи. Он рассыпался. Яички Илюша зарабатывал разным трудом. (Он все болезни местных жителей лечил магнитом).

Остальные эвакуированные, в том числе и Аня, были опытнее и умнее меня. Они ни с кем не делились и их паек хватило на долго. Во время обеда они сидели отдельно и ели свой хлеб, чтобы никто не видел. А мы всегда были вместе с мордовками. Они нас любили и старались помочь нам во всем. К сожалению, возможностей у них было мало. Они говорили: - «Феня! Ты добрая, ты еврейка, а они жида».

Тайком от местных жителей председатель колхоза разрешил нам брать (красть) картошку из ямы. Это уже была моя работа. Илюше было неудобно

красть вместе с бабами, в то время, когда их мужчины были на фронте. Так получилось, что самую трудоемкую работу выполняла я.

Зима в Мордовии была суровая. Мы совсем не были готовы к ней. По предложению Илюши мы старую майку обшили кусочками меха. Эта «шуба» была для общего пользования нашей семьи. Илюша научился плести лапти из лыка. Портянки нам дала хозяйка. Так мы приготовились к зиме. Кроме того, хозяйка подарила нам самотканый половик, из которого я сшила себе юбку. Лаптики Миры я хранила долго, как музейную редкость, но во время переездов с квартира на квартиру уже в Минске они где то затерялись.

В 1943 году Илюшу призвали в армию. В дорогу ему я смогла только дать немного сухарей и картошку. Можно представить, какое было прощание. Я осталась одна с двумя крошками. Через некоторое время я получила извещение, что Илюша лежит в госпитале в Москве. Его навещали брат Самуил и его жена Лиза. Илья простыл на военных учениях при форсировании реки. У него оказался абсцесс легких. Он был в таком тяжелом состоянии, что чудом остался жив.

Для того, чтобы дети получали какую-нибудь похлебку, надо было заниматься тяжелым трудом. Я работала лесорубом. Никогда до этого не держала в руках топора. Техники безопасности я не знала. Несколько раз чуть не попала под падающее дерево. Мне дали три сотки земли. Ее надо было обрабатывать своими силами. Лошадей не было мордовки запрягались в плуг вместо лошадей. Я этого не могла себе позволить. На меня это действовало морально. Поэтому я решила обрабатывать свой участок лопатой. Вся работа происходила ночью при свете луны. Мирочка спала дома, я Инночку я брала с собой в поле. Участок был около дома. Мордовки удивлялись, мол когда я успела вскопать свой участок. «У Фени нечистая сила» – говорили они. Картошки для посева мне дали мордовки. Я им свой долг потом отдала. Они меня здорово выручили тогда.

Когда Илюша стал поправляться, ему дали отпуск, а после отпуска его направили в госпиталь в городе Саранск – столица Мордовии. Передо мной стала большая проблема, как добраться к нему. Транспорта нет, одежды нет. Куда деть детей? Ведь с ними не поедешь. Хозяйка дома Соня мне во всем помогала. Она согласилась остаться с детьми, нарядила меня в новенькие лапти с белыми портянками и длинными веревками до самых колен, и дала самотканую куртку. Я пошла на вокзал, а там только военные эшелоны. Гражданских и близко к ним не подпускают. Я просила и умоляла, мол еду в госпиталь к мужу. Нашлись добрые бойцы и меня подняли в вагон и спрятали под скамейку. После обхода контролера я выходила из-под скамейки. И такие упражнения мне приходилось делать много раз в день. Таким путем я добралась до Саранска.

Мы с Илюшей друг друга еле узнали. Илюша был очень худой. Пользуясь случаем, я решила добиться направления в русскую школу Саранска. Документов, подтверждающих, что я учительница, у меня не было. Все же я пошла в министерство просвещения. Там я встретила учительницу Полублискую, с которой я работала в 5-ой школе города Минска. Встреча наша была очень трогательной. В то время она читала лекцию перед большой аудиторией военных. Выходила она после лекции как то странно, боком. Оказалось, что ее юбка с одной стороны была вся в заплатах. Она мне дала справку, что я с ней работала в школе. Ее подпись была заверена в министерстве. Так я получила направление в Шаймайданскую среднюю школу, которая была при детском доме. Там было много детей из Минска и был один мальчик Абраша Городницкий, который просил нас усыновить его. Он бывал у нас дома. В конце концов он устроил свою судьбу без нашей помощи. Окончил институт и имеет хорошую семью.

Вот здесь мы почувствовали настоящий голод. Поддержки от жителей никакой. Кроме детей и большой холодной комнаты у нас ничего не было. Нам выдали 30 метров материала, но этого хватило только на одно ведро

картошки. Иногда нам давали похлебку из детского дома. Мы собирали сережки с берез и лебеду для хлеба. Рвали конский щавель и крапиву. Мирочка нам помогала, заворачивала ручку тряпкой, чтобы не жгло, и рвала крапиву. Рано утром, когда были еще заморозки, я ходила на поле и собирала мороженную «картошку» – крахмал. Из этого пекли лепешки. У нас была железная печка – буржуйка. Она нам служила сковородой. Когда приехали в Шаймадан, нас пригласила завуч школы. Она нам дала перину. Помню, что я сторожила всю ночь, чтобы Инночка не намочила ее. Илюша помогал одному ученику по математике и ему уплатили за это кусочком масла. Это мы держали только для детей. Так мы и жили. Ждали с нетерпением победу.

В июле 1944 года был освобожден Минск. Илюша от министерства стройматериалов получил вызов для восстановления разрушенного города. Даже выехать нам было очень сложно. Не было с чем и за что. Мы продали засеянный просом участок земли и этих денег хватило только на дорогу до Харькова. Я босая ходила по улицам Харькова. Горячий песок и камушки жгли подошвы. Илюша решил заработать грузчиком, но пассажиры смотрели на него с недоверием и не рисковали доверить ему свой багаж, так как вид у него был очень жалкий. Он был худой в обметках от бывших солдатских ботинок. Лишь одна пара из жалости, видно, рискнула доверить ему свой чемодан. Таким образом, он заработал на билет до Новобелицы, где было наше правительство. В то время был указ с детьми в Минск не пускать. С большим трудом мы получили специальное разрешение. 29 июля мы прибыли в Минск. Еще чувствовалась война. Немецкие самолеты садились на наш аэродром. На кирпичном заводе в печах еще находился горячий кирпич, посаженный при немцах. На базаре в ходу были немецкие марки. Вслед мы слышали: - «Вот недорезки идут». На базаре было все, но не было денег. То здесь, то там рвались мины. Всех приезжих, относящихся к министерству стройматериалов, помещали в здании индустриального

техникума. Комнат было много и нам дали возможность выбрать любую. Мы заняли самую большую комнату на втором этаже с балконом. При немцах здесь жили железнодорожники. Можно было брать все, что было в этом доме. Мы взяли двухстворчатый шкаф, твердое кресло, тумбочку, железные кровати и пару табуреток. В одной комнате мы нашли мешок какао. После снятия пробы мы стали его есть. С каким удивлением Инночка смотрела на сахар. Она думала, что это снег. Ведь до сих пор она его никогда не пробовала. Увидев ее реакцию, я заплакала и выплакала слезы за все тяжелые годы войны. Детей определили в детский сад и надо было устроиться на работу. С нами в Минск приехал директор пока несуществующего индустриального техникума стройматериалов Штейнгарт. Было только помещение, и он собирал себе сотрудников. Он и меня агитировал работать в техникуме. Но меня тянуло в школу. В Горно я получила направление в 12-ую среднюю школу по улице Мясникова в 4-ый класс. В этой школе при немцах была конюшня. Мне надо было при помощи родителей отремонтировать класс. Я уже получила адреса сорока родителей, но боялась, что не уложусь в срок, потому что жила далеко от школы, транспорта никакого не было и ходила я в августе в валенках. Другой обуви не было. Поэтому я и отказалась. Пришлось принять предложение директора техникума, хотя я и понимала, что это работа временная – до тех пор, пока не прибудет преподаватель с техническим образованием. Мы вдвоём организовывали техникум. Я исполняла обязанности завуча, принимала студентов.

Я помню обоих своих дедушек. Папин отец, Шолом-Борух был уважаемым человеком в Копыле. С каким почетом ко мне относились, когда узнавали, что я его внука. Он был резником. Для этого нужно было кончить специальную школу. Он резал птицу и определял кошерность мяса крупного рогатого скота. Если он утверждал, что мясо коровье трэфное, это

было большое несчастье для хозяина. Таким образом, все были зависимы от него. Еще он делал обрезание и всегда приносил домой всякие лакомства.

Мамин отец был меламедом, т.е. учителем. Он преподавал лошун ейдеш – древне-еврейский язык. Его я помню хуже, потому что он жил не в Копыле.

Ландшафт Копыля был неровный. Тогда мне представлялось, что вокруг были высокие горы. Колодцы были в низинах, а жилой массив – на высоте. Поэтому копылян называли «копыльские нароим» (копыльские дураки). Мол вниз они ходят с пустыми ведрами, а вверх с полными. У меня там была хорошая подруга Хая. Я любила с ней гулять, но сестра Фаня запретила мне с ней встречаться, так как сестра Хаи вышла замуж за русского парня.

Каждый вечер мы устраивали вечерки. Собирались в один дом. Каждый занимался делом. Один вечер штопали, в другой вышивали, в третий скубили перья для подушек. Вечера у нас проходили очень весело. Мы работали и пели песни, такие как «Мурка», «Горячие бублики», «Стаканчики граненные» и еврейские песни.